

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-47-54>

Пушкин и его тексты в зеркале метафор и сравнений современной русской прозы (к 225-летию со дня рождения)

Наталья Анатольевна Николина¹, Зоя Юрьевна Петрова²

¹ Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия, admin@riash.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

² Институт русского языка имени В. В. Виноградова, Российская Академия наук, г. Москва, Россия,
zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Аннотация. В статье рассматриваются компаративные тропы, включающие прецедентное имя Пушкин, имена персонажей поэта, цитаты из его произведений. Материалом для исследования служат тексты современной русской прозы, преимущественно извлеченные из Национального корпуса русского языка. Цель работы – выявление типов и функций указанных компаративных тропов. В процессе анализа языкового материала применялись структурно-семантический, сопоставительный и корпусный методы. В статье показано, что в современной русской прозе в составе метафор и сравнений регулярно используется как само прецедентное имя Пушкин (и производное от него прилагательное пушкинский), так и имена персонажей пушкинских произведений, названия некоторых реалий, изображенных в текстах поэта, а также цитаты из его произведений. Отмечается, что рассматриваемые компаративные тропы последовательно выполняют интертекстуальную функцию и функцию образной характеристики персонажей и представленных реалий и ситуаций. Показано, что обращение к пушкинским образам в современной русской прозе усиливает яркость тропов, создает их многомерность, обогащает и обновляет их. В то же время ряд метафор и сравнений, включающих прецедентные имена пушкинских персонажей, характеризуется снижением образа, что связано с выражением иронической экспрессии.

Ключевые слова: метафора, сравнение, Пушкин, цитата, прецедентное имя, интертекст, современная русская проза

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

Для цитирования: Николина Н. А., Петрова З. Ю. Пушкин и его тексты в зеркале метафор и сравнений современной русской прозы (к 225-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 3. С. 47–54. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-47-54>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Pushkin and his texts in the mirror of metaphors and similes of modern Russian prose (to the 225th anniversary of the birth)

Natalia A. Nikolina¹, Zoya Yu. Petrova²

¹ Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia, admin@riash.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

² Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

Abstract. The article examines comparative literary tropes, including the precedent name *Pushkin*, the names of the poet's characters, and quotations from his works. The material for the study is modern Russian prose texts mainly obtained from the Russian National Corpus. The paper aims to identify the types and functions of the mentioned comparative tropes. We used structural-semantic, comparative, and corpus methods in the process of analysing the linguistic material. The article shows that modern Russian prose regularly employs both the precedent name *Pushkin* (and the adjective *Pushkinian* / *Rus Pushkinsky* derived from it) and the names of Pushkin's characters, some realia depicted in the poet's texts, as well as quotations from his works. It is noted that the considered comparison tropes consistently perform the intertextual function and the function of figurative description of the characters and depicted realia and situations. The study shows that turning to Pushkin's images in modern Russian prose enhances the vividness of tropes, extends, enriches, and renews them. Nevertheless, several metaphors and similes, including the precedent names of Pushkin's characters, are characterised by image pejoration and are associated with ironic expressiveness.

Keywords: metaphor, simile, Pushkin, quotation, precedent name, intertext, modern Russian prose

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose".

For citation: Nikolina N. A., Petrova Z. Yu. Pushkin and his texts in the mirror of metaphors and similes of modern Russian prose (to the 225th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(3):47–54. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-3-47-54>.

Введение. Имя Пушкина и его тексты занимают особое место в национальной культурной памяти. Пушкин воспринимается коллективным сознанием как создатель литературного языка, величайший русский поэт, удивительная личность, воплощение гениальности. По словам Ивана Ильина, «в нем сплетаются воедино все нити русского прошлого. Из него все они, словно лучи, уходят в будущее. <...> Здесь нашли свое выражение сущность и своеобразие творческого акта. Здесь — дверь к пониманию русской культуры» [Ильин 1999: 29].

И имя Пушкина, и его произведения давно стали прецедентными феноменами — явлениями «языка культуры». Имя *Пушкин*, имена его героев, цитаты из его произведений широко используются в разных сферах современной русской речи — в языке СМИ, интернет-коммуникации [Никитина 2018], в повседневной речи, в языке художественной литературы. Так, например, в живой устной речи получило распространение «имя “Пушкин” в нерелевантном употреблении: *А уроки кто за тебя делать будет? Пушкин, что ли?* <...> Это пример “магии слова”, где Пушкин предстает чем-то вроде языческого бога, всемогущего и всемогущего, ответственного за все события в человеческой экзистенции» [Радбиль 2017: 150]. К образу Пушкина и его текстам регулярно обращались и обращаются поэты и прозаики. Этой проблеме посвящен сборник «Беллетристическая пушкиниана XIX–XX веков. Современная наука — вузу и школе» [Беллетристическая

пушкиниана 2004]. В статье В. П. Григорьева, Л. И. Колодяжной и Л. Л. Шестаковой [Григорьев и др. 1999] рассмотрено функционирование имени *Пушкин* в стихах русских поэтов XX в. и представлен опыт словарной статьи для Словаря русской поэзии XX в. В статье О. И. Северской было исследовано использование пушкинских аллюзий и цитат в текстах Т. Кибилова, В. Друка и Ю. Арапова. Автор делает вывод, что в их произведениях «слово Пушкина выступает в роли последней смысловой инстанции», при этом «аллюзия используется чаще, чем цитата» [Северская 1999: 289].

Анализ употребления имени Пушкина и трансформации цитат из его произведений в современной литературе, прежде всего в литературе постмодернизма, продолжается. Так, Л. В. Зубова рассматривает Пушкина «как центрального персонажа постмодернистской поэзии и постоянный объект деконструкции» [Зубова 2000: 361]. Н. А. Кузьмина на материале произведений А. Кушнера и Д. Пригова анализирует «два варианта работы с пушкинскими текстами» — классический и авангардистский [Кузьмина 1999: 109]. В работе Т. Г. Шеметовой представлена классификация обращений современных писателей к образу Пушкина: «Выявляются три тенденции: создание независимого авторского образа Пушкина, создание антимифа... создание концепта (абстрагирование слова “Пушкин” от личности и творчества поэта)» [Шеметова 2009: 55].

Цитаты из произведений Пушкина рассматривались и в лексикографическом

аспекте: издан, например, «Школьный словарь крылатых выражений Пушкина»¹.

В то же время остается недостаточно изученным образный потенциал самого прецедентного имени *Пушкин* и интертекстуальных включений из произведений поэта, который выражается в метафорах и сравнениях, активно функционирующих в современной художественной речи.

Цель нашей статьи – рассмотреть компаративные тропы, в состав которых входит имя *Пушкин*, производное от него прилагательное и цитаты из текстов поэта, выступающие как метафоры или сравнения, определить их типы и функции.

Методы и материалы исследования. Материалом для анализа служат произведения современной русской прозы с 1990-х гг. до настоящего времени. Для исследования привлекаются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ)², и тексты произведений А. С. Пушкина.

В процессе анализа языкового материала использовались структурно-семантический, сопоставительный и корпусный методы.

Анализ. Рассмотрение произведений современной русской прозы показало, что само имя *Пушкин* регулярно служит образом сравнения компаративных тропов. Этот образ используется для характеристики:

– внешности персонажей, часто иронически описываемой:

Один, топтавшийся неподалеку от меня, был похож на дебильную копию *Пушкина*, он все улыбался и вертел, как птица, головой... И мама его была похожа на *Пушкина*, с черной барашковой прической, с настоящими бакенбардами, и держала она своего Пушкина-младшего за руку (М. Елизаров. Госпиталь);

– отдельных движений героя:

Ей даже захотелось скрестить на груди руки и, хищно перебирая пальчиками, инквизиторски постукивать ими по ткани пиджака цвета морской волны, а также отставить правую ногу

вправо и немного вперед, как это делал то ли *Пушкин* при чтении стихов, то ли кто-то из полководцев перед станом врага (К. Сурикова. Ира – дура);

– изображаемых ситуаций:

Он достал из сейфа свой именной пистолет, шатаясь, вышел на улицу, наставил вдоль забора пустых бутылок из-под шампанского и вызвал военкома на соревнование. – Не-е, Иван Никитович! – возбужденно кричал мэр. – Так не пойдет! С тридцати шагов! Как *Пушкин*! (С. Таранов. Черт за спиной);

...скромный местный поэт выводил за руку мальчика Яшу, и тот, с восторгом *Пушкина* пред Державиным, самозабвенно декламировал свои новые стихи (Г. Елин. Труби, Трубач!);

Прецедентное имя *Пушкин* выступает в современной прозе как метафора-эталон, актуализирующая такой семантический компонент, как ‘гениальность’, например:

– Лучший теоретик России, ас, гений, *Пушкин* современной науки – и сидишь на даче, строишь из себя пустырника!.. (Я. Разливинский. Старьевщик).

Встречаются также метафоры, в составе которых имя *Пушкин* служит знаком творческого начала личности:

Не надо было идти на филологический. В технари надо было идти, в физики, как отец советовал, может, получил бы бронь в каком-нибудь конструкторском бюро. Но он верил маме. Она говорила – человек, работающий со словом, высший человек, *молекула Пушкина* (Д. Кудерин. Молекула Пушкина).

Высокочастотно в произведениях современной прозы и употребление производного слова *пушкинский*. Исходно это относительное имя прилагательное, однако во многих контекстах оно развивает сравнительно-уподобительное значение – ‘как в произведениях Пушкина’. Так, в романе О. Славниковой «2017» появляется образ *пушкинский янтарь*:

За морозным окном проплывали, точно гирлянды воздушных шаров, золотые плотные дымы, шербатые шашки паркета там, где на них ложилось зимнее солнце, горели *пушкинским янтарем*.

Определение *пушкинский*, входящее в состав тропа, отсылает к стихотворению поэта «Зимнее утро», конкретизирует образ и предполагает ряд ассоциаций, которые могут возникнуть у адресата текста.

¹ Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб.: ИД «Нева», 2005. 800 с.

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (НКРЯ) (дата обращения: 10.01.2024).

Определение *пушкинский* в составе метафор и сравнений современной прозы порождает ассоциации с различными реалиями и героями художественного мира поэта, ср.:

Каждый боец был в армейском бронежилете древнего образца и каске, поэтому гореловские смотрелись точно *пушкинские* морские богатыри, которые «равны, как на подбор» (М. Елизаров. Библиотекарь);

...помню замерзшую пухлую руку, большой, глупо-радостный перстень с розовым рубином, похожий на конфету в развернутом фантике, на разгрызенный *пушкинской* белкой золотой орех (О. Славникова. Один в зеркале);

— Я отвезу тебя домой, — полувопросительно-полуутвердительно произнес Евгений, когда они подъезжали к городу. — Да, — ответила Маргарита голосом *пушкинской* героини, для которой все жребии были равны (К. Яхонтова. Смятение Анастасии).

Отметим, что определение *пушкинский* может быть представлено в современных прозаических текстах и вне непосредственной связи с компаративными тропами, при этом оно сохраняет функцию отсылки к произведениям поэта, его образам и изображаемым ситуациям:

Ему было хорошо, он вновь приобрел свою уверенность, напор, даже некоторую авторитарность... словом, заставил себя уважать, как *пушкинский* дядя (Г. Пашковскй. А потом пошел снег);

Когда я вернулась в ДАС, то обнаружила Татьяну одну, в ночнушке, но не с *пушкинским* гусиным пером, а с вилкой, которой она ковыряла огромный торт (Е. Завершнева. Высотка).

Особый интерес вызывает использование в современных прозаических текстах неатрибутированных и, как правило, графически не маркированных цитат из произведений А. С. Пушкина, выступающих в функции метафор и сравнений.

Различаются два типа таких цитат. Во-первых, это могут быть цитаты, которые уже являются тропами в текстах самого поэта, например:

Правильная, ясная была зима. Неугасимая. С метелями и *великолепными коврами*. На санках катались... (А. Боссарт. Повести Зайцева);

Забывший суть своего открытия — но запомнивший на всю жизнь, что величайшее открытие состоялось — но тут же исчезло, растворилось,

как сон, как *утренний туман*, и восстановить его уже не удастся никогда... (М. Чулаки. Примус).

Во-вторых, это цитаты, не содержащие в произведениях А. С. Пушкина метафор или сравнений, но приобретающие в современной прозе статус тропов, например:

— А то, что ты — узник. Жертва родительского деспотизма. — Чего-о??? — вытаращился Леха. — *Вскормленный в неволе орел молодой*, — продекламировал Женька, — вот ты кто. Понятно? — Да моему отцу хоть ястреб. Пока упражнения не напишу, гулянья мне не выдать (Т. Крюкова. Борец за права человека);

Ни о цене, ни о днягах мыслей не было — одна *свободная стихия* спокойствия (хотя руки дрожали, и высыхало во рту) (М. Гиголашвили. Чертово колесо).

Как правило, это неоднословные цитаты, представляющие собой особый тип интертекстуальных тропов. Их употребление предполагает усложнение художественного образа: цитата в новом тексте приобретает другое значение. Например, наречия *безмолвно*, *безнадежно*, выступающие в стихотворении А. С. Пушкина «Я вас любил...» в прямом значении, в следующем контексте соотносятся с описанием природы и подвергаются персонификации:

Синхронно распахнулись дверцы джипа, вышли двое — безликие статисты в шпионских, клоунских плащах, в карманах руки, все гуще валит снег, *безмолвно*, *безнадежно* застывая мохнатой белой пылью лобовое стекло заставившего пикапа, природа сохраняет равновесие, оцепенение, безгласность, неподвижность, безразличие к тому, какой она проснется после долгой зимней спячки, к тому, проснется ли вообще (С. Самсонов. Кислородный предел).

Таким образом, пушкинские цитаты-тропы не только воспроизводят смыслы исходного текста, но и порождают новые значения.

Используемые современными прозаиками метафоры и сравнения, восходящие к текстам А. С. Пушкина, соотносятся с различными ситуациями, изображаемыми в произведении, при этом их употребление может существенно отличаться от пушкинского контекста. Так, в романе Л. Юзефовича «Поход на Бар-хото» сравнение *как утренний туман*, рисующее состояние Дамдина, служит знаком не утраты юношеских

иллюзий, а, напротив, возвращения к идеалам молодости; ср.:

Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман

(А. С. Пушкин) —

Чары спали, он [Дамдин] возвратился к своему истинному облику... Прочее развеялось, как утренний туман (Л. Юзefович).

Может меняться и модальность цитируемого текста. Например, употребление метафоры *славянские ручьи* в стихотворении Пушкина «Клеветникам России» сопровождается модальностью предположительности; в контексте же романа А. Варламова «Одсун» гипотетичность сменяется утвердительностью, ср.:

Славянские ль ручьи сольются в русском море?

Оно ль иссякнет? вот вопрос (А. Пушкин) —

Ты твердишь про Родину, ее судьбу, ее путь, исторический жребий и *славянские ручьи*, которые все равно *сольются* в русском море (А. Варламов).

Тропы, восходящие к произведениям Пушкина, утрачивают конкретную референтную соотнесенность и могут приобретать обобщающий характер:

Отец... объяснял супруге, что в ее возрасте не бывает романтических чувств... останутся разбитые камни, *разбитое корыто*, разбитые сердца дочери и отца (А. Славовский. Гибель гитариста).

Часть метафор и сравнений, представляющих собой пушкинские цитаты, в современной прозе характеризуется снижением образа. См., например:

— Ладно, Евгений Евгеньич не *гений чистой красоты*, согласен (О. Некрасова. Платит последний);

Вероятно, поэтому она и беседовала с ним, приподняв белоснежное одеяние. Ее томная бледность свидетельствовала об огненном темпераменте... Едва я шевельнулся, она исчезла, как *гений чистой мусульманской красоты* (Ю. Давыдов. Заговор, родивший мышь).

Снижение образа может сопровождаться переходом его в другой семантический класс. Так, образ из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву» *звезда пленительного счастья* — символ прекрасного будущего — трансформируется в современном

тексте в конкретный знак внешней привлекательности:

А после парикмахерской вдруг стану *звезда пленительного счастья* (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица).

Метафора *каторжные норы* из стихотворения «Во глубине сибирских руд...» также преобразуется, характеризуется усилением пейоративной оценки и служит обозначением школьного класса:

Вот и завуч идет, точа слезы не тем глазом, в который ей хarkнули, а тем, который в класс не заглядывал, а пока что коридорные идиотины потихоньку дают уйти классным гадинам, те разбегаются в свои *каторжные норы*, а коридорные идиотины рассаживаются по партам и, когда в класс возвращается учительница уже с директором, сидят тихо (А. Эппель. Худо тут).

Цитаты из произведений А. С. Пушкина, выступающие в функции тропов, предполагают хорошее знание читателем текстов поэта, формируют «идентичность определенного лингво-культурного сообщества» [Гудков 2022: 38] и образуют интертекстуальный тезаурус, объединяющий наиболее часто воспроизводимые пушкинские строки. Некоторые компаративные тропы, восходящие к текстам Пушкина, неоднократно повторяются в современной прозе. Например, высокой частотностью характеризуется метафорическая оппозиция *лед и пламень*, встречающаяся у разных авторов:

Ведь люди, Гриша, протекают сквозь людей, мужчины сквозь женщин, скользнули и остались друг для друга цельными, непроницаемыми, не подошли, ты понимаешь, им сразу ясно стало, с полувзгляда, с полувдоха, что он не тот, она не та, что не подходят, словно контрабас к скрипичному футляру, да, *лед и пламень*, и что не будет так, что я в тебе, а ты во мне, нет этой ниши, выемки, подогнанной до волоска, до родинки, до задыхания (С. Самсонов. Кислородный предел);

Мы появлялись из-за кулис с разных сторон. *Лед*, практически, и *пламень* (Е. Водолазкин. Чагин).

В компаративные тропы в современной прозе, как и в поэзии, входят также прецедентные имена героев пушкинских произведений. В прозаических текстах наиболее часто встречаются имена героев повестей

«Пиковая дама», «Барышня-крестьянка», «Капитанская дочка», романа в стихах «Евгений Онегин». Тропы, их включающие, преимущественно характеризуют изображаемых персонажей, например:

В той же квартире огромную комнату занимала *Пиковая Дама* — старая, прокуренная, плоская, как вырезанная из фанеры, в длинной юбке, с вылезшей лисицей на плечах (Д. Рубина. Медная шкатулка);

Видимо, все-таки кирпичное, домашнее пекло заставило и ее хоть на некоторое время покинуть квартиру. Она была в сарафане, обычном русском сарафане, и босиком. Представляете? Этакая *барышня-крестьянка* среди каменных джунглей спального района крупного города (О. Семенов. Преступление и наказание. Век XXI);

Джулия сделала ему предложение, как современная *Татьяна Ларина*, и он просто не повторил ошибку Онегина (М. Чулак. Примус).

Наименование персонажа в современных прозаических текстах может при этом трансформироваться:

Обветренные скулы, рыжая летняя конопатость и густой загар, не курортный, а деревенский, делали ее простушкой, однако сквозь *крестьянку* просвечивала *барышня* с египетским разрезом глаз, нежным овалом лица и таким изгибом губ, потрескавшихся от жары, словно эти губы знали о жизни всё (А. Иванов (Алексей Маврин). Псоглавцы);

И когда Кира, которую многие в доме помнили еще ребенком, стала появляться у нее так часто, что это никак не выглядело больше визитами любящей дочери, *барышня* во мнении подъездного сообщества окончательно превратилась в *крестьянку*, и Надежде Сергеевне стало мерещиться, что лукавые, насмешливые взгляды отныне повсюду сопровождают ее (А. Уткин. Дорога в снегопад).

От прецедентных имен пушкинских персонажей образуются производные прилагательные, которые также выполняют интертекстуальную функцию, например:

Подметаю и без того чистый храм и жду, пока вырастет газон... Как работник Балда, с той только разницей, что во мне нет *балдовской* расторопности (А. Варламов. Одсун).

В редких случаях имена пушкинских персонажей служат для образной характеристики реалий и явлений природы:

Когда приплыли мы к нему, на канал Грибоедова, — в первую же ночь ему шаровая молния явилась, как *Пиковая Дама* (В. Попов. Свободное плавание).

В компаративные тропы современной прозы регулярно включаются не только имена пушкинских персонажей, но и отдельные обозначения реалий, изображенных в произведениях писателя, например: — *бахчисарайский фонтан*:

А как она купалась! При этом вода в корытце должна была быть исключительно свежей. И тогда Пиджи приступала к действию, устраивая водяную феерию, *бахчисарайский фонтан*, инагарский водопад. Потом, разморенная, она возлежала на веранде, подвернув под себя одно крыло и томно разложив другое (М. Валеева. Кусяки, рыжий бес);

— *заячий тулупчик*:

— Слушай, — вздохнув, сказал Юра, — денег нет, но я платок у той же бабки только что купил — по-моему, такой точно. Ты спроси, может, ей этот сойдет? — Ну, старик, ты молоток!.. Он посмотрел на Юру веселым и чуть более долгим, чем прежде, взглядом, хлопнул его по плечу и побежал к своей девушке, прижимая локтем сверток с платком. Листок из блокнота Юра машинально сунул не глядя в карман и только у себя в комнатке на базе прочитал нацарапанную на нем фамилию — Борис Годунов, и два телефона. «Надо же! — уже весело подумал он. — Почти что *заячий тулупчик* для Пугачева!» (А. Берсенева. Возраст третьей любви);

— *Медный всадник*:

Ну что ты все зачем да зачем, — рассердилась она [Ася]. — Уперся, как *Медный всадник*, не сдвинуть (О. Кром. Каждый атом).

Прецедентные имена пушкинских персонажей могут выполнять в тексте сюжетообразующую функцию, см., например, рассказ О. Славниковой «Статуя Командора» и роман А. Макушинского «Город в долине», в котором используется параллелизм системы персонажей повести А. Пушкина «Капитанская дочка» (Швабрин, Гринев, Пугачев, Маша) и персонажей «текста в тексте», представляющего собой дневник одного из главных героев произведения Макушинского. События, описываемые в нем, проецируются на мир пушкинской повести.

Использование метафор и сравнений, включающих прецедентные имена пушкинских героев, пушкинские цитаты, опирается на традиции русской литературы. Подобное употребление компаративных тропов наблюдалось и в предшествующий период:

...пустой желудок, как *недремлющий брегет*, хоть и не звонил обед, но напоминал о нем какими-то странными звуками, подобными отдаленному раскату грома; пора было убираться до дому, а до дому было не близко (М. Авдеев. Тамарин. 1851);

Следовало бы, чтоб стучал маятник часов, действовал червяк-древоточец, чувствовалась бы «*жизни мышья беготня*» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. 1928);

Я нарочно ссылаюсь не на себя, а на Брюсова: Брюсов, натура холодная, настроенная в эти годы едко-критически, зарисовывает отметками культурную атмосферу Поливановской гимназии; Брюсов и Поливанов — *лед и пламень*: что общего? (А. Белый. На рубеже двух столетий. 1929).

Однако, как показывает анализ материала, в современной прозе компаративные тропы, в которые входит само имя *Пушкин* и имена его героев, употребляются значительно активнее.

Выводы. В современной русской прозе в составе метафор и сравнений регулярно используется как само прецедентное имя *Пушкин* (и производное от него прилагательное *пушкинский*), так и имена персонажей пушкинских произведений, названия некоторых реалий, изображенных в них, а также цитаты из текстов поэта. Рассматриваемые цитаты представлены двумя типами: с одной стороны, это цитаты-тропы, используемые уже в текстах Пушкина; с другой стороны, неатрибутированные цитаты, которые приобретают тропеический характер только в современных текстах. Широкое распространение компаративных тропов, отсылающих к художественному миру Пушкина, свидетельствует о неослабевающем интересе современных авторов к пушкинскому наследию и его культурной апроприации. Пушкин и в прозе XXI в. продолжает оставаться «центром поэтической культуры» (Р. Якобсон). Рассматриваемые компаративные тропы последовательно выполняют интертекстуальную функцию и функцию

образной характеристики персонажей и воссозданных реалий и ситуаций. Обращение к пушкинским образам определяет многомерность современных тропов, обогащает и обновляет их. В то же время ряд метафор и сравнений, включающих прецедентные имена пушкинских персонажей, характеризуется снижением образа и связано с выражением иронической экспрессии. Анализируемые компаративные тропы, содержащие прецедентные феномены, моделируют образ читателя, для которого значим художественный мир Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беллетристическая пушкиниана XIX–XX веков. Современная наука — вузу и школе. Псков: ПГПИ им. С. М. Кирова, 2004. 462 с.
2. Григорьев В. П., Колодяжная Л. И., Шестакова Л. Л. Имя Пушкин в стихах русских поэтов XX века (Опыт словарной статьи) // А. С. Пушкин: к 200-летию со дня рождения. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 33–41.
3. Гудков Д. Б. Воспроизводимые единицы национального дискурса как фактор лингвокультурной идентичности // Язык. Человек. Культура. М.: Институт языкознания РАН, 2022. С. 38–44.
4. Зубова Л. В. Деконструированный Пушкин (Пушкин в поэзии постмодернизма) // Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту, 2000. С. 364–384.
5. Ильин И. А. Александр Пушкин как человек и характер // А. С. Пушкин: к 200-летию со дня рождения. М.: ИНИОН РАН, 1999. С. 5–32.
6. Кузьмина Н. А. Пушкинский текст современной поэзии // Вестник Омского гос. ун-та. 1999. Вып. 2. С. 108–117.
7. Никитина Т. Г. Крылатые выражения А. С. Пушкина в интернет-коммуникации и словаре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 6(84). Ч. 1. С. 125–128. <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.28>
8. Радбиль Т. Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. 2-е изд. М.: ИД «ЯСК»: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
9. Северская О. И. Пушкин и его читатель (аллюзия и цитата как способы создания подтекста в поэзии 1990-х годов) // Пушкин и поэтический язык XX века: сб. статей, посвященный 200-летию со дня рождения А. С. Пушкина. М.: Наука, 1999. С. 270–289.
10. Шеметова Т. Г. Три тенденции в современной литературной «пушкиномании» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 55–66.

REFERENCES

1. Belletristic Pushkiniana of the 19th–20th centuries. Modern science to the university and school. Pskov: S. M. Kirov State Pedagogical University, 2004. 462 p. (In Russ.)
2. Grigoryev V. P., Kolodyazhnaya L. I., Shestakova L. L. The name Pushkin in the poems of Russian poets of the 20th century (Experience of dictionary article). *A. S. Pushkin. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya* = *A. S. Pushkin. To the 200th anniversary of his birth*. Moscow: INION RAS, 1999. P. 33–41. (In Russ.)
3. Gudkov D. B. Reproduced units of national discourse as a factor of linguistic and cultural identity. *Yazyk. Chelovek. Kul'tura* = *Language. Man. Culture*. Moscow: Institute of Linguistics RAS, 2022. P. 38–44. (In Russ.)
4. Zubova L. V. Deconstructed Pushkin (Pushkin in the poetry of postmodernism). *Pushkinskie chteniya v Tartu 2* = *Pushkin Readings in Tartu 2*. Tartu, 2000. P. 364–384. (In Russ.)
5. Il'in I. A. Alexander Pushkin as a person and character. *A. S. Pushkin. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya* = *A. S. Pushkin. To the 200th anniversary of his birth*. Moscow: INION RAS, 1999. P. 5–32. (In Russ.)
6. Kuz'mina N. A. Pushkin's text of contemporary poetry. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Herald of Omsk University*. 1999;2:108–117. (In Russ.)
7. Nikitina T. G. Popular expressions of A. S. Pushkin in the Internet communication and dictionary. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* = *Philology. Theory & Practice*. 2018;6(2):125–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-6-1.28>.
8. Radbil' T. B. Language and the world: paradoxes of mutual reflection. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2017. 592 p. (In Russ.)
9. Severskaya O. I. Pushkin and his reader (allusion and quotation as ways of creating subtext in the poetry of the 1990s). *Pushkin i poeticheskii yazyk XX veka: sb. statei, posvyashchennyy 200-letiyu so dnya rozhdeniya A. S. Pushkina* = *Pushkin and the poetic language of the 20th century: a collection of articles dedicated to the 200th anniversary of the birth of A. S. Pushkin*. Moscow: Nauka Publ., 1999. P. 270–289. (In Russ.)
10. Shemetova T. G. Three trends in contemporary literary "Pushkinomania". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya* = *Lomonosov Philology Journal. Series 9: Philology*. 2009;4:55–66. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталия Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор

Natalia A. Nikolina, Candidate of Sciences (Philology), Professor

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

Zoya Yu. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher

Статья поступила в редакцию 21.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 28.02.2024.

The article was submitted 21.01.2024; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 28.02.2024.